

Звенигородская Наталия Георгиевна

АЛЕКСАНДР ТРАУГОТ

2021 год — год девяностолетия Александра Георгиевича Траугота. Это большое событие для всех причастных к нашим «Трауготовским чтениям», участников ежегодных конференций, регулярных изданий, выставочных проектов, посвященных искусству книги и иллюстрации, которые проходят Санкт-Петербурге с 2011 года.

В далеком 1956 году Александр Георгиевич вместе с отцом и братом выпустил свою первую иллюстрированную книгу (Г.А.В. Траугот. 686 забавных превращений. Л.: Художественный фонд СССР, 1956). Подпись «Г.А.В. Траугот» (Георгий, Александр, Валерий) сохранилась на всю жизнь, и сегодня в нашей стране нет человека, который не знал бы эту аббревиатуру. Уже в следующих изданиях, начиная со «Сказок Андерсена» Трауготы представили свою новую оригинальную манеру иллюстрации, резко отличающуюся от общего стиля книжного оформления в России: беглый рисунок пером, структурированный яркими пятнами цветной акварели. Эта манера поразила всех: и художников, и читателей — невероятной свободой в понимании самого пространства книги и художественной интерпретации текста. В той же — но постоянно совершенствующейся стилистике, основу которой составляет импровизация, Г.А.В. Трауготы создали около нескольких сотен книжных изданий, получив на всероссийских конкурсах более 30 дипломов, из которых 14 — первой степени.

Александр Георгиевич, единственный ныне здравствующий представитель Трауготов, с детства счастливо соединил в себе все таланты своей семьи. В его искусстве есть и строгость, выверенность каждого жеста, присущие отцу, Георгию Николаевичу Трауготу, и попирающая все устои безудержная стихия цвета, отличавшая живопись его матери, Веры Павловны Яновой, и полное единение с манерой брата, Валерия Георгиевича Траугота, с которым они всю жизнь работали над книгой в тесном тандеме.

Братья называли себя «...частью маленького объединения художников, где господствуют свои законы и свои авторитеты. Наше объединение нельзя назвать семьей. Это маленькое, крошечное, но совершенно самостоятельное государство — со своей иерархией ценностей, со своими взглядами, со своей философией».

Этим ценностям Александр Георгиевич соответствует всю свою жизнь. Всю долгую и нелегкую жизнь, в которой было все: и война, и блокада, и давление сталинского тоталитаризма, и потеря близких, и постоянная борьба за свободу своего искусства. Он всегда следовал завету семьи: «Творческий дух — это таинство истинной жизни. Когда его имеешь, для тебя нет будущего, тебе нечего ожидать, ты уже имеешь все». Потому жизнь и искусство у художника неразделимы: жизнь — это творчество, творчество — это его жизнь.

В этой жизни в конце концов все сбылось: и верные друзья, и любовь, и Париж, и успех, — но по-прежнему каждый день девяностолетний художник берет в руки кисть, карандаш, перо — в погоне за несбыточным...

Искусство Александра Траугота, его универсальное дарование — это целая эпоха. И эта эпоха никуда не ушла. Охватив половину XX и два десятилетия XXI века, она и на сегодняшний день пребывает в полном здравии, продолжая поражать своим развитием и потрясающими открытиями.

Мудрец и чудесник, созидатель новых миров, знаток и аналитик культуры былых времен и современности, человек невероятной эрудиции и потрясающей памяти, готовый с ходу читать наизусть стихи Шелли и Бодлера, Пушкина и Державина, Александра Введенского, Владимира Набокова и Роальда Мандельштама, Александр Георгиевич Траугот поражает каким-то не нынешним масштабом своего многостороннего таланта.

...Мастерская художника заполнена фарфором, кипами рисунков и акварелей, макетов книг, готовых иллюстраций и набросков, альбомов, книг. На подставках стоят скульптуры, на стенах и просто на полу, стопами, — живописные полотна. Избыточность чувств, переживаний, осмыслений того или иного явления, допущение бесконечного множества суждений и выводов, причин, следствий, истоков и финалов, презумпция избыточности самой жизни, наконец. Притом, избыточность эта — какого-то олимпийского свойства, поднятая над суетой жизни.

Его творческая манера, внешне не сильно изменяясь, в течение двух последних десятилетий становится все более целостной, материальной, конструктивной. Цвет, линия, объем как бы сплавляются в едином пространстве произведения. И именно цвет, понимаемый не как декоративное пятно, оттеняющее игру линий, а как доминанта всей пластики работы, все более и более становится ведущим в структуре композиции.

Сейчас хотелось бы написать: оглядываясь на прошлое... Но это не про Александра Георгиевича. Он всегда живет в настоящем времени. Прошедшее присутствует здесь же, здесь и сейчас. Привносит что-то, что-то забирает, составляя совокупность всего жизненного опыта в живом взаимном действе.

Это видно во всех его работах, но наиболее ощутимо в живописи. Впрочем, говоря о

живописи Александра Георгиевича, не следует забывать, что в семье Трауготов живописью называлось все: карандашом ли на бумаге, пигментом ли на фарфоре, кистью ли на холсте — все было живописью. И это во многом объясняет масштаб универсальности мастера.

Живопись маслом Александра Георгиевича значительно отличается от его графических работ — звучных, ярких, почти витражных. Масляная краска пластична, и без густого замеса сближенных тонов здесь не обойтись. Здесь главенствует стихия движения: краски льются, то завихриваясь с безумной скоростью, то разливаясь плавными потоками, то замедляясь глубокими омутами. Импровизация, а это суть творчества Траугота, приобретает здесь материальный, наиболее наглядный, манифестирующий характер.

Живопись художника чрезвычайно сложна. Она насыщена таким количеством образов, реминисценций, сплетений сразу нескольких потоков сознания, где порою невозможно отделить главное от случайного, что требует очень внимательного — предметного и вдумчивого — осмысления. Но и после этого в каждой работе остается загадка — настоящее таинство искусства художника.

В творчестве Траугота большое место занимает тема города как физической и как духовной среды художника. В 1994 г. Александр уехал в Париж, женился на парижской художнице Элизабет де Треал де Кунси. С тех пор он так и живет — попеременно то в Париже, то в Санкт-Петербурге. Для него оба города почти неразделимы. Слишком долго в квартире на Большой Пушкинской, а позже и в мастерской на улице Блохина мечталось о Париже. Париж был и стал для художника второй духовной родиной. «Оба города похожи, — говорит Траугот, — и архитектурой, и тем, что каждый из них разделяет глубокая река, и неизмеримо огромными пластами культурного наследия, и почти осязаемой душой».

В его пейзажах Париж и Петербург почти сливаются друг с другом. И хотя их архитектурные доминанты временами ясно читаются — силуэт Князь-Владимирского собора, башня Эйфеля — это единый Город. Город счастья и горя, встреч и разлук, утрат и свершений. В бурном хаосе грозowych ночей высятся купола, башни, таинственно мерцают окна. В небесах, в кучах туч или светящихся облаков движутся призрачные фигуры — ангелов ли, демонов... Это грезы Города, бодрствующего в величии своих веков, своего гордого одиночества и могущества.

Здесь можно бесконечно говорить о пламенеющих красках, внутреннем свечении живописи, мощных линиях и цветовых акцентах. В этих полотнах очевидно развитие живописной традиции Веры Павловны Яновой, матери художника. Однако если у Яновой живопись материальна, краска сырая, чувства предельно напряжены, то у Александра иные задачи. Фантазия автора осуществляет свой диктат в полном соответствии с романтической доктриной. «Без романтики, — говорит Траугот, — без романтизма жизнь мелеет. Получается

мелкий ручей, иногда просто стоячая мелкая вода... Думаю, что все современные люди немножко находятся в тюрьме практицизма, в тюрьме, где все мечты невероятно коротко обстрижены. И в этом смысле для меня романтизм — то, что противоположно практицизму».

Город его — живой организм. И в нем все живое: кариатиды, ангелы; каменные монументы скачут по мостовым, гремя пьедесталами, на триумфальных арках бродят кони, с любопытством разглядывая пешеходов. По улицам блуждают мифические существа — женщины-птицы, кентавры, кошки с женскими головами.

Это фантомы, всю жизнь преследующие воображение художника. Фантомы, которые, наверное, можно увидеть каждую ночь в высоких окнах его мастерской: одинокая лошадь с человеческим телом, гуляющая под луной по улицам Петроградской стороны, прекрасная обнаженная дева, парящая над городом, фигуры белобородых философов...

Силуэты исторических зданий вторгаются в интерьеры художника, где разыгрываются бытовые сцены, ведутся разговоры, сюжеты которых витают в пространстве комнат столь же полноправно, как и конкретные персонажи. Он зарисовывает домашние сцены, концерты, беседы, рассказы, уличные сценки, встречи с товарищами и знакомыми.

Его рисунки — воплощенный бег времени, то, что невозможно и не нужно останавливать. По форме они незатейливы и просты — как доверительный разговор с другом. В них есть черта, определяющая характер дарования художника, — литературность, которая сказывается не в надуманной повествовательности, а в остро подхваченной фабуле, какой бы она ни была — будь то событие или просто портрет.

Эти произведения решены очень лично, почти исповедально. Ведь это практически биография автора, сцены его жизни. Он сам постоянно появляется здесь автопортретами — то юным героем, то старым художником.

Здесь возникают лица его друзей и близких, живых и мертвых. Лица, конкретные портреты, всегда очень важны для Траугота. В его рисунках, в иллюстрациях, в станковых работах постоянно появляются их четкие образы. «Я считаю, что портреты людей, наших друзей, близких, они нам посланы Богом, у каждого есть свои прототипы».

Доминирующее в его работах чувство — любовь. Романтическая, страстная привязанность к Парижу и Петербургу, к их миражам, к людям, в них обитающим. Все искусство — это область чувств. Без человеческих чувств мир — «равнодушная природа». Потому можно сказать, что каждое произведение Александра Траугота — о любви. Но среди них много полотен, посвященных именно этой теме. «Собственно, осуществление личности, — считает автор, — только в любви, и уникальность личности только в любви, потому что все остальное не уникально. Любовь — это дар! Далеко не всем он дан, но хотя бы понимать, что это дар, и мечтать о нем — уже очень много».

Любовь в полотнах Траугота парит над миром в образе обнаженной прекрасной девы, бежит стайкой юных купальщиц, загадочно смотрит из групповых портретов, перехватывает дыхание зрителей в сценах любовных объятий... Возвышенность трактовки исключает какое-либо ханжество. Любовь в интерпретации художника — это жизнь, чувственная и материальная. Здесь пушкинское «...и знала рай в объятиях моих».

Уже давно в произведениях художника виды искусств пребывают в тесном контакте, объединенные единством творческой манеры. Пример тому — недавно показанные на выставке новые работы, монументальные по определению. Монументализм Александру Георгиевичу был присущ изначально. Это свойство развилось еще и потому, что свой путь в искусстве он начинал как скульптор. Скульптор не только мыслит объемами, он и рисунок строит как бы изнутри — из глубины листа, переходя к его поверхности. Потому даже самые крохотные виньеточные миниатюры Александра Георгиевича можно сколько угодно увеличивать, переносить на стены. Тем в большей степени поражают своей монументальностью эти высокие вертикальные свитки из ткани или специальной бумаги со сложной фактурой, создающие впечатление древних фресок или осыпающихся холстов. В них — облаченные в тоги «праведники», мифические персонажи, лица, цветы, летящие фигуры... Но это не просто увеличенное изображение, в них укрупнен смысл изображенного, бег времени переведен в измерение вечности. Художник вышел на новый уровень своего творчества, и это завораживает: что же будет дальше?

Интенсивность творчества мастера увеличивается с каждым годом. В числе его последних работ, помимо живописи, станковых рисунков и акварелей, фарфора, циклы иллюстраций и оформление к книгам: «Царевна-лягушка» (СПб.: издательство «Редкая книга из Санкт-Петербурга», 2020); И. В. Гёте «Фауст» (В 2-х томах. СПб.: Вита Нова, 2014); Сказки братьев Гримм (СПб.: Речь, 2015); Микеланджело «Семь сонетов в переводе Вячеслава Иванова» (М.: издательство «Майер», 2018); Ф. М. Достоевский «Записки из мертвого дома» (СПб.: Речь, 2018); Евангелие от Луки (СПб.: Вита Нова, 2021).

Работая над книгами, Александр Георгиевич редко считается с заказом. Вне зависимости от того, сколько иллюстраций должно войти в издание, он создает сотни листов, глубоко и тонко интерпретируя литературный текст. Он живет в нем, достигая почти невероятного соединения философского и проникновенно-личностного звучания, как в листах к Евангелию от Луки, единственном, где присутствует образ «благородного разбойника» — раскаявшейся души, в котором художник изобразил самого себя, так и в последней, еще не изданной работе — иллюстрациях к циклу стихов Алексея Захаренкова, посвященных памяти жены.

В хранящихся в доме Траугота «Дневниках семьи» записаны слова их друга, философа

Якова Друскина: «Художник — человек, причастный к тайне». Свою «причастность к тайне», избранность, понимаемую как служение, как ответственность за духовный мир людей, Александр Георгиевич Траугот несет в своем искусстве как бесценный дар всем нам.

